

Анатолий Зарецкий

ЦАРЬ ГОРЫ

Непридуманные РАССКАЗЫ для
детей и взрослых

Анатолий Зарецкий

**Царь горы. Непридуманные
РАССКАЗЫ для
детей и взрослых**

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Царь горы. Непридуманные РАССКАЗЫ для детей и взрослых / А. Зарецкий — «Издательские решения»,

— Крестная, а ты девочкой была? — рассмешил своим вопросом бабушку.— А то, как же! Думаешь, я сразу такой родилась? — спросила она, закуривая папироску «Казбек». — Милый мой, и мы были когда-то маленькими. Давно, правда. Еще при царе Горохе... Ох, и глупыми были... Не то, что вы теперь, — погрузилась в воспоминания крестная...И вот уже перед Вами мои рассказы о времени, когда не было даже телевизоров. Но было наше детство, далекое и прекрасное.

© Зарецкий А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Подружки детства моего	7
Лагерь военнопленных	17
Артек	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Царь горы Непридуманные РАССКАЗЫ для детей и взрослых Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Две бездны с двух сторон небытия зияют» – так поэт Омар Хайям обозначил границы уникального явления, называемого человеческой жизнью. Из первой бездны я вырвался в начале декабря сорок четвертого года...

Но что же помню о том своем «бытии» вблизи границы жизни?.. Ничего. Лишь рассказ родителей, что родился в лагере военнопленных немцев, расположенном в поселке Харьковского тракторного завода... Так уж случилось, что с детских лет упорно стремился в небо, но чаще «падал вниз стремительным домкратом» с ощущением края бездны, из которой нет возврата.

Свою исповедь осмелился изложить лишь под занавес, да еще под псевдонимом (девичья фамилия мамы). Почему?..

– Я думал, знаю тебя, как самого себя. Оказывается, совсем не знаю, – сказал мне давний армейский друг и поэт Саша Дудеев, когда прочел рукопись моего первого романа «Odnoklassniki.ru. Неотправленные письма другу».

И вот их уже четыре, да еще два цикла рассказов, не считая с десятков детских...

Так кто же «живет» в них под псевдонимом Анатолий Зарецкий – реальный Я или все же собирательный образ?

Скажу только, «вычислить» это не смогли даже специалисты из РКК «Энергия» имени С. П. Королева, которой отдал 20 лет. Лишь отметили, что «автор либо сам работал в организации, либо близко знаком с людьми».

Еще как знаком! И не только с людьми, но и с делом, которое очень любил, но вынужденно оставил.

Подружки детства моего

Как-то раз, теплым летним утром, вышел на лестничную площадку и от удивления застыл на месте – на широком низеньком подоконнике сидела девочка. Прямо перед ней в ворохе тряпья с важным видом восседала огромная кукла, а девочка кормила ее воображаемой едой из маленького блюдечка...

Но суть и детали увиденного осознал позже, а пока поразила необычность события – откуда в нашем лагере дети!.. Ведь все шесть лет маленькой жизни был единственным ребенком в зоне, где содержали немецких военнопленных (не считать же, в самом деле, младшего брата, который и говорить-то не умел). Здесь, в этом замкнутом мирке за колючей проволокой, я родился и жил, не видя никого, кроме взрослых. А тут сразу два ребенка, да еще таких, как я (поначалу и кукла показалась живой – она была с нас ростом, и, я слышал, как девочка ей что-то говорила).

– Ты откуда взялась?! – громко спросил кормящую девочку.

– Что ты кричишь? Разбудишь маленькую, – сделала замечание «мама», – Я здесь живу. Вон там, – показала она на дверь, которая до сих пор всегда была заперта на ключ. Теперь же она приоткрыта, и оттуда доносились голоса.

– Это кто здесь воет? – вышла из двери женщина, – Ах, похоже, наш новый сосед... Тебя как зовут, мальчик? – спросила она, поглаживая меня по головке.

– Толик! – сердито ответил ей, обидевшись, что незнакомая тетя назвала меня «новым соседом», в домике, где живу уже с самой зимы, – Я не воюю, а только спросил.

– Девочку зовут Любочка, а ее куклу – Дуся, – представила обеих настоящая мама.

– Так она не настоящая? – показал я на куклу. Женщина рассмеялась:

– Конечно, не настоящая. Это кукла, – пояснила она, – С ней можно играть. Любочка тебя научит. Играйте, а я пойду. Только не ссорьтесь. Лучше дружите. Любочка будет тебе подружкой, а ты ей другом.

– Хорошо, – пообещал ей, пытаясь понять смысл впервые услышанных слов «подружка», «друг».

– Давай играть, – предложила девочка, когда ее мама скрылась за дверью, – Ты будешь папой, а я мамой. А Дуся будет нашей дочкой. Хочешь ее покормить? – протянула она игрушечную ложечку.

– Не хочу, – ответил ей, искренне сочувствуя Дусе, которая оказалась куклой, – Эта игра мне не нравится.

– Почему? – удивилась Любочка, – Очень даже хорошая игра... Дочки-матери. Я всегда в нее играю... А ты, какие игры знаешь?

Я никаких игр не знал, кроме той, в куклы, в которую однажды играл с большими девочками, и которая тогда очень не понравилась, а потому лишь неопределенно пожал плечами. И тут увидел, что снизу по лестнице к нам поднимается мой приятель – переводчик гер Бехтлов.

– Гутен таг, хер Бехтлов! – радостно поприветствовал его.

– Гутен таг, Толик, – ответил тот, – А это что за девочка? – улыбнувшись, спросил он, кивнув в сторону новоявленной подружки.

– Это Любочка... Унд ди цвайтэ Дуся... Сиг ист нихт эхт, – представил ему обеих, отметив, что Дуся не настоящая. Немец рассмеялся:

– Ихь фэрштиэ... Мёхтэн зи мит мир гин? – спросил он.

– Натюрлихь, – обрадованно протянул ему руку и вдруг увидел несчастные глаза подружки. Похоже, из всего разговора та поняла, что мы куда-то уходим, а она снова остается одна со своей куклой, – Любочка унд Дуся мит унс гин, кёнтэ? – попросил гера Бехтлова.

– Найн. Мэдхэн хабэн нихтс цу тун ди цунэ, – обрушил он мои надежды. Я искренне не понимал, почему девочкам нельзя с нами в зону, где живут мои друзья немцы, но твердо знал – если гер Бехтлов сказал «найн», значит, действительно нельзя. Это не обсуждается.

В зоне я прожил почти все эти годы. Лишь недавно мы переселились в наш маленький двухэтажный домик. Он тоже был за колючей проволокой, но уже не считался зоной с особым режимом. Правда, все это узнал гораздо позже, когда не стало на нашей улице никаких зон. А пока волновало лишь одно – как же смогу познакомить мою первую подружку с давними друзьями, без ежедневного общения с которыми уже не представлял своего существования. Только в зоне всегда по-настоящему весело, особенно по вечерам, когда солдаты играют на губных гармошках, поют песни, шутят и громко смеются. Смеялся вместе с ними и я, часто не до конца понимая смысл грубоватых солдатских шуток и смешных тирольских песен с удивительными переливами.

Даже после переселения, в зоне я проводил все свободное время. А оно, в мои шесть лет, было таким почти полностью. Разумеется, если не считать ночной сон, а также время на завтраки и ужины (обедал я в основном с друзьями в их солдатской столовой).

– Дядя Вова, а почему девочкам нельзя ходить в зону? – спросил давнего друга нашей семьи старшину Макарова.

– Каким это девочкам? Где ты в нашем мужском заповеднике увидел девочек? – удивился тот.

– В нашем новом домике поселились сразу две: Любочка и кукла Дуся, совсем как живая.

– Ну, если совсем как живая, тогда оно, конечно, да, – рассмеялся дядя Вова. Он был веселым и смешливым, почти как немцы, – А кто сказал нельзя?

– Гер Бехтлов сказал «найн», – ответил ему.

– Ну, раз гер Бехтлов сказал «найн», значит «найн», – подтвердил дядя Вова то, что знал и без него.

– Но почему-у-у? – захныкал я, чего никогда не позволял себе с гером Бехтловым...

Когда поздним вечером вернулся из зоны, на лестничной площадке ждала Любочка:

– Такой ты, оказывается, друг, Толик... Ушел на весь день к своим немцам, а мы тут с Дусей скучали... Почему нас не взяли? – заныла она, как маленькая.

– А ты спроси у мамы, – передал ей совет дяди Вовы.

– И спрошу... Обязательно спрошу, – продолжила ныть девочка...

А утром Любочка с Дусей снова встретили меня на подоконнике.

– Играем в дочки-матери, – объявила подружка, продолжая кормить Дусю. Завершив кормление, приступила к подготовке постельки. После пятиминутного кукольного сна – очередное кормление «дочки», а далее по кругу...

И так весь день. Даже смотреть стало не интересно, а Любочка все играла и играла в свою любимую игру, почти не обращая на меня внимания...

– А мне что делать? – зевая, спросил «маму» уже через день.

– Ничего. «Папы» никогда ничего не делают, – со знанием жизни ответила та.

– Ничего не делать скучно. Мне такая игра не нравится.

– Тогда иди на работу. Папы всегда ходят на работу, – быстро сообразила Любочка.

Спустившись во дворик, увидел дядю Вову.

– Где же ты вчера пропадал, Толик? – спросил тот.

– Играл с Любочкой и Дусей в дочки-матери.

– Кем же ты там был? Матерью или дочкой? – рассмешил дядя Вова.

– Папой, – со смехом ответил ему.

– Папой? – дурачась, удивленно переспросил тот, – Когда же ты успел, малец? Я вот два года женат, и то не папа. Или невеста с приданым?

– С каким приданым? – не понял его вопроса.

– С Дусей, – рассмеялся дядя Вова, и мы пошли в зону...

Друзья-немцы встретили радостными возгласами и вопросом, где пропадал.

– Пока вы здесь прохлаждались, ребенок в один день женился и стал папой, – периодически шутил дядя Вова, а гер Бехтлов переводил немцам его дурацкую шутку. Те смеялись, по очереди хлопали по плечу и пожимали руку. Скоро шутка надоела не только мне, и всё пошло, как обычно...

Вечером, вернувшись из зоны, первым делом столкнулся со сварливой «женой»:

– Ты где пропадал?! На какой работе?! Это же понарошку!.. А ты ушел к своим немцам на целый день. Оставил нас с Дусей одних, – сердито выговаривала девочка.

– У немцев хоть весело. А так, ты играешь, а я не знаю, что делать, – оправдывался, как мог, перед подружкой.

– Я не виновата. Такая игра.

– Давай играть в другую, – предложил ей.

И вскоре у нас появилось множество других интересных занятий – я учил девочку всему, что знал и умел. На нашем подоконнике рядом с Дусей появились книжки, карандаши и бумага – Любочка училась читать и писать. А когда надоедало, мы пытались говорить с ней на языке моих друзей. Вот только гер Бехтлов больше не заходил в наш домик, и мы с ним встречались только в зоне, где Любочку никто не знал, кроме него и дяди Вовы.

Стремительно надвинулась осень, в нашем дворике стало холодно и сыкотно, а потом выпал снег и появились долгожданные сосульки...

Осень 1950 года навалилась детскими болезнями. Откуда она взялась, та зараза, в нашем закрытом мирке, где нас, детей, было только трое?.. Трудно сказать. Все началось со злополучных сосулек. Потом нагрянула ветряная оспа, или, как говорили, «ветрянка», а дальше понеслось, поехало...

После выздоровления успел лишь сходить с мамой в детскую поликлинику. Там сделали какие-то прививки. Скорее всего, делать их после болезни нельзя, но кто это мог знать.

Встать утром с постели уже не смог – у меня снова поднялась температура. Сильно болела голова. Периодически проваливался в полусон-полубред, а к вечеру стало совсем плохо.

– Почти сорок, – сказала мама, взглянув на градусник, – Врач сказал, везти в больницу, – услышал ее слова и снова уснул.

Проснувшись, не понял, где нахожусь. Было темно, и еще мне показалось, кровать подо мной движется.

– Мама! – собравшись с силами, крикнул в испуге.

Кровать остановилась. Появился свет, и понял, что нахожусь на улице, в детских санках, с головой укутанный в стеганое одеяло.

– Потерпи немного, сынок. Больница уже скоро, – сказала мама.

– Не хочу в больницу, – заплакал от безысходности положения, но санки тронулись и снова поехали...

Если бы знал, что той ночью покинул наш лагерь навсегда, так и не простившись с гером Бехтловым и сотнями друзей-немцев. Что из больницы вернусь только через полгода, переболев всеми инфекционными болезнями, от которых там лечили. Вернусь в другой домик и совсем другую жизнь, не похожую на лагерную. Что свою подружку Любочку увижу лишь через много лет, когда роскошная блондинка, будущая актриса харьковских театров Любовь Борисовская, невероятным образом разыщет меня, студента авиационного института. Мы вместе встретим новый 1963 год и даже попытаемся остаться друзьями. Увы... Очень скоро понял, что, несмотря на заверения, Любочке этого мало, а мог ли я предложить ей что-либо иное, уже давно влюбленный в свою Любочку?..

А пока мне все еще было шесть, и санки везли навстречу неизвестности...

Я здоров! Какое это счастье! Мне шесть с половиной, и вся жизнь впереди... Наконец-то из инфекционной больницы, где пролежал почти полгода, меня повезли прямо на новую квартиру, которую совсем недавно получили родители...

И вот мы с мамой остановились около старенького двухэтажного домика, и пошли куда-то вверх по открытой всем ветрам лестнице. Мы поднимались все выше и выше, казалось прямо по воздуху – сквозь ажурное сооружение было видно не только все вокруг, но и все под нами. Символические ржавые перила едва держались за такие же проржавевшие до дыр, местами оторванные от основания ступени, а потому вряд ли могли служить «верой и правдой». И не служили...

А эти железные ступени... Отполированные множеством ног, скользкие даже в сухую погоду, они лязгали и громыхали, как пустые вагоны на стыках, пытаюсь непременно выскользнуть из-под ног любого, рискнувшего пройти по ним без должной подготовки.

Мне вдруг стало страшно от ощущения зыбкости бытия и реальной перспективы внезапно вывалиться в любой из проемов той жуткой лестницы прямо на землю, сплошь заваленную битым кирпичом – останками пятого этажа дома напротив, уцелевшего в войну лишь четырьмя этажами.

– Мама-мама, стой! Зачем мы туда идем? Где наша новая квартира? – вцепился рукой в мамину сумку с моими вещами.

– Она там, сынок. Не бойся. Сейчас дойдем до веранды, отдохнем, – обняла она за плечи свободной рукой.

– Какая же она новая? Наша старая и то была новой.

– Старая была не наша, а эта наша... Вот и дошли, – облегченно вздохнула мама...

А по комнате на трехколесном велосипеде с одной педалью лихо носился младший брат. Пахло неустроенным бытом огромной коммунальной квартиры...

Начинался этап приспособления к неизвестной доселе жизни вне зоны лагерей военнопленных, в которых прошло все мое детство...

– Ты снова, гад, на нашей улице?! Мы же тебя предупреждали!.. Мало получил, фашист?! – вдруг возникла передо мной все та же троица...

А ведь действительно предупреждали. Очень давно, еще до болезни. Тогда мы с мамой впервые пошли в гости к Карякиным – у тех появился сын моего возраста. Не было сына, и вдруг появился.

– Взяли из детдома, – говорили между собой взрослые...

– Мама, а что такое детдом? – спросил, когда гости ушли.

– Это дом, где живут дети, у которых еще нет родителей, – объяснила мама, – Родители их там находят и берут себе.

– А откуда появляются дети в детдоме? Их аист приносит, или собирают в капусте?

– В каждом доме по-разному.

– А я был в детдоме?

– Нет, сынок. Мы тебя нашли сами.

– У аиста, или в капусте?

– В капусте. А туда тебя положил аист.

– А он, где взял?

– Спроси-ка лучше у него.

– Где же я его найду? – рассмеялся я.

– Придет время, найдешь, – обнадежила мама...

Сын Карякиных не понравился, хотя был моего возраста и его тоже звали Толиком. Он смотрел на всех исподлобья, ни с кем не разговаривал и ничего не умел.

– Ничего, обвыкнется, – утешались его родители, и соглашалась с ними мама...

– Дорогу в лагерь найдешь? – спросила мама, собираясь от Карякиных зайти еще куда-то.

– Найду, – успокоил ее, – Выйти из подъезда, дойти до перекрестка, перейти дорогу и дойти до проходной, – повторил нехитрую инструкцию...

– Куда лезешь, мальчик?.. Не видишь, здесь грузчики работают?.. Трудно, что ли обойти дом? – бросился ко мне кто-то из взрослых. Пришлось обходить.

Я уже вышел на улицу, когда передо мной и возникли те ребята:

– Ты кто такой?! – подлетел ко мне крепыш, явно старше меня, – Ты, что делаешь на нашей улице?! – пугая, замахнулся он.

Еще двое, по виду моих ровесников, с угрожающим видом подскочили справа и слева. В моей жизни ничего подобного еще не было, а потому поначалу даже не почувствовал опасности. Но на всякий случай сделал шаг назад. Ребята остановились.

– Я Толик. Я здесь живу, – совсем не испугавшись, ответил им.

– Что врешь?! Мы своих знаем. Говори, где живешь?! – снова замахнулся крепыш.

– Сказал же, на этой улице... В зоне, где немцы живут, – ответил ему.

Ребята переглянулись.

– Так ты что, с немцами живешь? – недобро ухмыльнувшись, спросил один из них.

– Ну, да... Они пленные, – начал, было, я.

– Ах, ты, гад!.. Фашист недобитый! – не дослушав, вдруг взвился вожак, грозно сжав кулаки.

– Дай ему в ухо, Тимоха, чтобы больше не ходил по нашей улице, – подсказал тот, что спрашивал. Второй из свиты незаметно исчез.

Тимоха размахнулся, и я понял – теперь точно ударит и метит прямо в ухо. Инстинктивно уклонился и сразу почувствовал, что падаю спиной через какой-то предмет. Больно ударившись локтем о землю, тут же вскочил на ноги. Предметом оказался исчезнувший, прилеглий позади меня. Теперь он оказался между мной и нападающими и пытался вско-

чить. Не дав негодяю подняться, обеими руками толкнул «предмет» прямо под ноги Тимохе и его дружку.

И все же убежать не удалось. Меня настигли прямо у проходной, где пришлось остановиться у закрытой «вертушки». От расправы спас выскочивший охранник, но несколько фингалов все же заработал.

– Эх, Толик. Это я виноват, – запричитал гер Бехтлов, к которому попал раньше, чем домой, – Мне надо было научить тебя бить своих врагов.

– А кто такой фашист? – первым делом спросил своего наставника, ведь до сих пор в лагере военнопленных никто никогда не произносил этого слова. Во всяком случае, впервые я его услышал от своих врагов, да еще по отношению к себе.

– Почему ты спросил об этом? – удивился гер Бехтлов.

– Меня так называли те мальчишки и даже побили за это, – объяснил ему.

– Те мальчишки дураки. Ты не фашист, Толик. Даже я не фашист, хотя и воевал, – негодовал гер Бехтлов, – Дэм криг даз эндэ... Дэм фашизмус даз эндэ, – сердито завершил он.

С того самого дня и до болезни мой наставник ежедневно по два-три часа учил меня рукопашному бою...

И вот они передо мной – трое моих обидчиков. Но, как и при первой встрече, страха нет. Зато есть твердое желание постоять за себя, а главное – уверенность в своих силах и в своей правоте.

– Я не фашист. Мой отец воевал. Эта улица моя. Я здесь живу, – показал им на лестницу.

– Дай ему в ухо, Тимоха, чтобы не врал, – подсказал все тот же из сопровождения.

Второй снова исчез. Но я уже знал, где его искать.

Тимоха размахнулся, но ударить не успел – мои тренированные кулаки ухитрились дважды пройти по его физиономии. Главный противник отлетел, едва удержавшись на ногах, и остался на месте, прикрыв лицо обеими руками. Развернувшись, со всего маха пнул ногой подлый «предмет». Тот вскрикнул. Перепрыгнув через него, бросился за трусливо убежавшим третьим обидчиком. Догнать не удалось – подстрекатель успел вбежать в дверь нашего домика и захлопнуть ее перед самым носом.

– Ты зачем бегаешь за Фрицем? – спросила девочка, стоявшая у двери.

– За каким Фрицем? – удивленно переспросил ее.

– За Толиком Фрицем. Его все так зовут, – пояснила незнакомка.

– Он здесь живет? – спросил девочку.

– Здесь. И я здесь живу. Я Лариса, – представилась она.

– А я Толик. Живу там, где лестница, – представился ей, – А те мальчишки, где живут?

– Они не из нашего двора. Тимоха там, а Вовка Пират там, – показала девочка на соседние дома, – А ты зачем бежал за Фрицем?

– Они фашистом обзывали и бить хотели, – объяснил девочке, которую звали Ларисой.

– А ты их побил? – спросила она. Я кивнул.

– А в нашем дворе еще дети есть? – поинтересовался так, на всякий случай.

– Не-е-т... В большом дворе много, а к нам только приходят, – рассказала Лариса...

После инцидента троица больше не подходила, а Фриц, когда был один, завидев меня, убежал.

– Не слушай его больше, – сказал как-то Ларисе, – Будет драться, скажи мне. Я с ним еще за фингалы не рассчитался.

– Давай дружить, – вдруг предложила девочка.

– Давай, – без особого энтузиазма принял ее предложение.

Но как же скучно дружить с девочками!.. Снова неинтересная игра в дочки-матери, бесконечные кормления и укладывания спать кукол – этих игрушечных детей будущих мам.

Но в игре «мама» хоть занята делом, «дочке» все равно, а вот что делать «папе», никто не знает...

А потом появилась Людочка. Это было, как удар током. Маленькая девочка, которой едва исполнилось «пять с половиной» навсегда завладела моим сердцем. Единственная игра, в которую мы с ней играли, все та же – дочки-матери. Но только с Людочкой я играл в нее с интересом, и мне никогда не было скучно.

«Наша дружба была такой чистой», – написал я в одном из своих стихов, посвященных Людочке, и то было чистой правдой. В свои девятнадцать Людочка это подтвердила... Моя первая любовь... Моя невеста...

– Я видела тебя с Людочкой, – сказала как-то Лариса, – Мы больше не будем дружить? – печальным голосом спросила она.

– Так, как дружили, нет... Но, если тебя кто обидит, только скажи, я всегда приду на помощь, – ответил ей.

– Спасибо, Толик, – с какой-то тихой грустью поблагодарила Лариса и обиженно ушла в дверь, у которой мы познакомились всего полгода назад...

Встречаясь на улице изо дня в день, из года в год, мы всегда тепло приветствовали друг друга, с интересом расспрашивали об учебе, о делах, включая дела сердечные. Но никогда больше не играли в общие игры – ни в детстве, ни в юности. Ни разу... Так никогда и не обратилась она ко мне за помощью...

Подружки-подружки... Они появились в моей жизни раньше, чем друзья. Так уж случилось.

Мальчик и девочка... В возрасте, когда любопытство одолевает страх, а запреты разжигают любопытство...

Впервые мою любимую Людочку я увидел, когда той едва исполнилось пять лет. Маленькая, худенькая, в нелепой одежде с чужого плеча, – она никак не походила ни на одну из моих подружек-ровесниц.

Что же такого было в той маленькой девочке, затмившей всех моих подруг? Не знаю. Но меня потянуло к ней неудержимо...

Хотя, почему не знаю... Ее глаза... Удивительно теплого, «чайного» цвета, они покорили с первой встречи и навсегда.

И еще. Людочка показалась мне такой хрупкой, такой несчастной, что сразу захотелось ее защитить, спасти от жизненных напастей.

У нее не было кукол, у нее вообще ничего не было, даже еды. В день нашего знакомства мне пришлось спасти ее от голода.

Мне понравилось опекать эту малышку, заботиться о ней. А когда она впервые улыбнулась мне своей теплой улыбкой, так захотелось, чтобы она непременно стала сестричкой.

Единственная игра, в которую мы с ней играли вначале, все та же – дочки-матери. Но только с Людочкой я играл в нее с интересом, и мне никогда не было скучно. Возможно потому, что «папа» впервые стал не наблюдателем, а добытчиком. Мои лагерные игрушки вскоре перекочевали к Людочке. Из них она сделала куколок – наших «деток». Как же радовалась она каждому такому подарку! Она прыгала, хлопала в ладоши, смеялась от восторга, удивляясь всякой мелочи. А я чувствовал себя добрым волшебником, исполняющим желания.

А сколько было радости, когда мы сделали нашу комнатку, перекрыв фанерным щитом приямок под окнами ее комнаты на первом этаже общежития... Каким же взрослым почувствовал себя, когда девочка испугалась зарешеченного подвального окошка и дрожала от страха, а я обнял ее и успокоил. Как доверчиво она прижалась ко мне, большому мальчику, который ничего не боится.

Но самой интересной нашей игрой стала игра в школу. Школой я бредил, особенно, когда не взяли в первый класс, а мне так хотелось учиться.

В нашей «школе» я всегда был учителем, а Людочка ученицей. Она была прилежной ученицей, и быстро выучилась читать и писать. Ну, а уж когда я учился в первом классе, наши занятия и вовсе стали интересными. Людочке они нравились...

И вот позади первый класс. Меня с братом на все лето отправили в деревню. Как же переживал предстоящую разлуку с любимой подружкой. Видел, что и Людочка грустит. Все дни перед нашим отъездом она не отходила от меня ни на шаг. Иногда девочка обнимала меня крепко-крепко, словно хотела удержать, и молчала, поглядывая на меня таким грустным взглядом своих оленьих глаз, что хотелось плакать...

То лето показалось самым длинным в моей жизни. Я считал не только дни, но и часы до его окончания, расчертив для этого целую тетрадку...

И вот оно позади. Как же радостно встретила меня подружка. Мы обнялись, я приподнял ее и закружил.

– Еще, еще, еще! – восторженно кричала девочка. Ей так понравилось кружиться в моих объятиях. Моя малышка...

И снова лето, и снова впереди очередная разлука на целых три месяца.

– А я тоже уезжаю на все лето в Коробочкино, – вдруг объявила подружка.

– Где это? – спросил ее.

– Не знаю, – ответила Людочка. Нет, в этот раз она совсем не грустила, как в канун моих прошлых каникул. И у меня чуть отлегло. Что ж, все проходит. Пройдет и это лето...

А пока потянулись бесконечные дни летнего отдыха.

И вот очередное трудное лето позади. Все так же радостно встретила меня подружка, которая, как оказалось, так и не попала ни в какое Коробочкино. Мы обнялись, как год назад, я приподнял ее и закружил.

– Не делай так больше, Толик, – очень серьезно сказала девочка, внезапно покраснев, – Я уже взрослая, – уточнила она, оправляя платьице. Моя взрослая малышка...

С того самого дня к Людочке я относился с особой симпатией, как ни к какой другой девочке. В одном из первых стихов о Людочке есть такие строки:

Еще не знаешь ты, что я тебя люблю,
Что жизнь свою тебе навеки отдаю...

– А я это знала, Толик. Лет с семи знала, – сказала мне девятнадцатилетняя Людочка, когда впервые прочла все мои стихи, включая этот.

– Людочка... Ты же тогда совсем маленькой была, – удивился неожиданному признанию любимой.

– Девочки раньше мальчиков понимают. А ты всегда ко мне относился не как к другим девочкам. Я это чувствовала, и мне нравилось, – и Людочка замолчала, вспоминая, судя по ее легкой улыбке, что-то светлое в наших отношениях.

А я смотрел на нее с нежностью и немного с грустью оттого, что нельзя вернуть то замечательное время, когда маленькая девочка Людочка была мне совсем, как сестричка...

Переходный возраст... Он начался у меня довольно рано, хотя трудно сказать, когда именно. Это как снег в горах – копится-копится, а потом хлопок в ладоши, и нате вам неудержимую лавину, сметающую все на своем пути...

А пока он копился и копился тот мой снег... Мне кажется, первым снежком, оставившим след в душе, стал обман с поездкой в пионерлагерь «Артек», когда вместо меня, круглого отличника учебы и обладателя прочих достижений, тайно поехал заурядный троечник –

мой друг Женька. Папа-генерал и мама-председатель родительского комитета, – всего лишь эти его «достижения» легко перевесили все мои.

Следующий снежок залег в период возрастной мутации голоса, усугубленной жестокой простудой и вопиющей нечувствительностью педагогов. В результате бывший солист школьного хора, победителя республиканских и прочих олимпиад, на всю жизнь остался с низким хриплым голосом детской силы.

И наконец, целый снежный ком упал в копилку, когда вдруг увлекся гимнастикой. Вот только как случилось, что по рекомендации школьного приятеля, тренировавшегося в секции несколько лет, попал не в группу начинающих, а прямо к спортсменам-разрядникам. И в погоне за достижениями новых товарищей, исчерпав резервы школьной физкультурной подготовки, банально разбился на снарядах, получив несколько серьезных травм и титул неспособного ученика.

Выручили занятия в кружке авиамоделлистов при Дворце Пионеров. Вот где действительно добился неплохих результатов. Путь от кордовой «схемки» до рекордных таймерных моделей прошел буквально за год. Но нелепый случай в школе – перелом крышечки парты двух пальцев правой руки – и чемпионом Украины с моими моделями стал не я, а товарищ по кружку, которому их передал наш руководитель.

Словом, очень скоро почувствовал, что мне больше нечем удивлять мою подружку Людочку.

Как же она смотрела на меня своими огромными глазами, полными слез, когда целый час пел только ей все мои песни из репертуара хора!..

Как удивилась и захлопала в ладоши от восторга, когда прокатился колесом, а потом почти с места крутанул сальто!..

– Какие красивые!.. Ты сам их сделал? – нежно гладила она разноцветный шелк обшивки моих уникальных авиамоделлей, когда нес их из дома в кружок.

– Конечно, Людочка. Не только сделал, но и придумал раскраску. Жаль только, что вся балза теперь под обшивкой, а это самое легкое дерево в мире. Такое красивое. Даже оклеивать «японкой» не хотелось. А сделал, вроде ничего. Нравится?

– Что ты, Толик. Нет слов... И ты будешь выступать на чемпионате Украины?

– Буду, Людочка.

– Ты непременно победишь. Вот увидишь, Толик.

– Я буду стараться, Людочка.

И действительно, победили мои модели. Только вот чемпионом республики стал случайный кружковец, всего лишь запустивший отлаженный моторчик и отпустивший подготовленный аппарат в свободный полет. Как это объяснить подружке, смотревшей на меня с надеждой?

Мне уже тринадцать, а я так ничего и не сделал, ничего не добился. А тут еще два младших брата, за которых постоянно перепадало. Особенно за среднего. Тот к своим одиннадцати годам уже обрел четырехлетний криминальный стаж, и лишь стечение обстоятельств и положение отца в правоохранительных органах пока спасало его от детской колонии. Вот младший только радовал. К тому же он косвенно сблизил нас с Людочкой на целых три года, пока мы «воспитывали» наших малышей – ее сестричку и моего братика. Мы ежедневно гуляли с ними, развлекали и при этом говорили, говорили, говорили...

Я много читал, а потому тем для разговоров было достаточно. Но малыши выросли, и наши встречи постепенно прекратились.

Мы оба вступили в возраст, когда девочки и мальчики невольно отдаляются друг от друга. Как бы ни дружили, но все же это такие разные планеты, с разными взглядами и разными орбитами жизненных устремлений. Эти орбиты разводят нас все дальше и дальше, с тем, чтобы сблизить на самое короткое расстояние уже в неповторимую пору юности...

Но как же долго еще ждать, пока моя миленькая подружка станет моей любимой Людочкой. И станет ли вообще, если не будет во мне какой-то изюминки, если растеряю даже то, чем всегда увлекал мою малышку...

При отъезде мы даже не простились. Мы учились в разных школах, и встречались лишь редкими вечерами, когда Людочка приходила в наш двор к своей подружке и однокласснице Ирочке. Увы, в канун моего отъезда она так и не появилась.

И вот я снова в деревне, где давно стал своим. Никто уже не называл нас с братом «городскими».

В деревне нас загрузили хозяйственными делами – мы поливали грядки водой, предварительно натасканной из речки в необъятные бочки, собирали созревшую вишню, часами раскачиваясь на деревьях, или «обрядившись в чистое», ходили в магазин за хлебом. Да мало ли работы в крестьянском хозяйстве!.. Так что на речке, где обычно купались и дети, и взрослые, появлялся лишь к вечеру, переделав все дела.

Иногда замечал на себе заинтересованные взгляды деревенских ровесниц и даже девочек моложе, но что мне до них. У каждой уже был друг, который смотрел на нее как на собственность. И даже за невольный ответный взгляд, можно было легко схлопотать от крепенького пятнадцатилетнего паренька, возвращенного на свежем воздухе и натуральных продуктах. Я не боялся драк и мог за себя постоять. Вот только было бы за что сражаться...

Зато маленькие «ничейные» девочки были от меня без ума. Стоило появиться с младшим братом на речке, как сбегалась вся детская «колдыбаня». Две-три девочки непременно повисали на мне, требуя их «покрутить».

– Это мой брат! Отойдите от него! – возмущался пятилетний братишка.

– Да не съедят они меня, – успокаивал его, – Сейчас пойдем делать крепость.

И мы делали крепость из песка, а потом бомбили ее песчаными «снарядами», пока ни разваливали до основания.

А потом я учил всех разом «плавать» руками по дну, а тех, кто постарше даже нырять. И они плавали и ныряли, пока ни становились синими и в пупырышках, как дешевые утки.

Вытащить малышей из воды можно было только хорошей сказкой. А для начала, чтобы согрелись, показывал гимнастические упражнения. И очень скоро вся моя детвора легко ходила колесом и кувыркалась в луговой траве и песчаных дюнах нашего деревенского пляжа.

Это ли ни популярность. Появились и любимчики – несколько способных ребят, которые все хватили на лету.

– Я тебя очень люблю, Толик. А ты? – обняла меня однажды одна из таких девочек.

Этого мне только не хватало. Мгновенно вспомнил свою подружку Людочку, которая даже не попрощалась. Неодолимо захотелось в Харьков. И зачем только затеял эту физкультуру? Начал ради младшего брата. А где он теперь? Носится где-то с такими же малышами. А я, старший брат, должен играть в любовь с доверчивой малышкой...

Но лето неумолимо подвинулось к концу.

– Ты меня любишь, Толик? – с грустью спросила девочка в день расставания.

– Конечно, люблю, Ниночка. Ты моя лучшая ученица, – ответил ей.

– Обманщик ты, Толик. Уедешь в город и сразу забудешь.

– Никогда не забуду, – ответил тогда ей и не обманул, судя по этим строкам...

А как же переходный возраст?.. Он все еще будет напоминать о себе сумятицей в голове и чередой нелепых метаний. И пройдут годы, прежде чем в моей жизни наступит главный праздник юности – ВЕСНА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ. Но он наступит. Непременно наступит. Ты жди его, Людочка.

Лагерь военнопленных

Как-то прочел в умном журнале о необыкновенной способности человеческой памяти хранить все, что любой из нас воспринимает из окружающего мира всеми своими органами чувств... И хранит наша память ту череду жизненных событий до мельчайших деталей, чуть ли ни с момента рождения... Вот только добраться до дремлющих клеточек памяти и «считать» информацию может не каждый.

Впрочем, те сведения об удивительных свойствах памяти меня не потрясли. Еще в первом классе мог на спор запомнить с единственного прочтения любое стихотворение в пять куплетов и помнил его очень долго. А годы учебы развили память так, что за три дня, отпущенные на подготовку к экзамену, мог заново изучить любой предмет, который до того игнорировал весь семестр, причем усвоить настолько, чтобы без шпаргалок сдать на «отлично». И ведь сдавал. А наспех накопленные знания «выветривались» не сразу, да и то по причине невостребованности.

Вот только ближе «к годам мудрости» обнаружил, что события детства и юности помню гораздо образнее и ярче, чем все, что происходило позже. Стоит лишь «уйти в себя», и желаемые картины уже такого далекого прошлого возникают сами по себе, словно наяву...

«Две бездны с двух сторон небытия зияют» – так поэт Омар Хайям обозначил границы уникального явления, называемого человеческой жизнью. Из первой бездны я вырвался в начале декабря сорок четвертого года...

Но что же я вспомнил о том своем «бытии» вблизи границы жизни?.. Ничего. Лишь рассказ родителей, что родился в лагере военнопленных немцев, расположенном в поселке Харьковского тракторного завода...

Мое земное бытие стартовало в земляном бомбоубежище, приспособленном под поликлинику для пленных. Принимал меня доктор-немец. Появился на свет слабеньким – дитя войны. В той землянке прожил два месяца – то было самое теплое место в лагере.

А в шесть месяцев простудился до воспаления легких. И тот же чудесный доктор спас меня уколами пенициллина. Он тогда у нас только появился. Спасибо ему – неизвестному доктору и, разумеется, моим родителям.

А рассказали мне об этом, в мои шесть лет, чтобы я посмотрел на место своего рождения в последний раз – в тот день сносили все земляные бомбоубежища района. Я даже показался взад-вперед в кабине бульдозера, который ровнял площадку после работы экскаватора.

Тогда-то впервые узнал, что детей не находят в капусте, и их не приносит аист. Они рождаются в землянках...

А вот и первое озарение – первые, сохраненные памятью, события у бездны небытия. Это как фильм, который снимает камера. Она лишь фиксирует картинки и звуки, не ведая, что происходит. Правда, мое Я в том фильме – это не только зрительное и слуховое восприятие мира, это нечто большее, чем даже цветное стереокино. И в нем Я – действующее лицо и камера одновременно...

То самое Первое Утро моего Сознания помню до деталей – я и сейчас в любой момент могу «прокрутить» тот фильм. Конечно же, он далек от оригинала. Он «зашумлен» дополнительной информацией, слой за слоем наложенной временем. Вот только в отличие от «ролика», время не ухудшило ту запись, а лишь уточнило ее новыми представлениями, которых не могло быть в оригинале.

Итак, тем утром я проснулся в маленькой деревянной кровати, встал на ножки и выглянул через небольшое окошко. Увидел зал, где за длинными столами сидели люди, много людей. Они что-то ели. Некоторые смотрели на меня, улыбались и даже махали мне руками. От такого внимания захотелось спрятаться. Я сел в кровать и осмотрелся. В длинной узкой комнате увидел много больших котлов, из которых валил пар. Какие-то женщины поварашками что-то наливали в бачки и передавали их в зал через такое же, как у меня, окошко. Люди в зале и были немецкими военнопленными...

Когда рассказал о своих воспоминаниях маме, она сказала, что это было в Покатиловке – в лагере, куда перевели по службе отца. Тогда действительно мою кровать временно разместили на кухне столовой, где было тепло.

– Только ты не можешь этого помнить, сынок, – сказала удивленная мама, – Тебе тогда не было и полутора лет... Тебе это кто-нибудь рассказал, – сообразила она, наконец.

Но я это помню. И помню точно не со слов. Это возникло в моем сознании, как видение. Разумеется, в момент «съемки» я не знал названий предметов, почти не распознавал речь и вряд ли понимал, что происходит, – это пришло гораздо позже, когда периодически «просматривал запись». Мысленно этот эпизод я и сейчас вижу глазами ребенка, каким был тогда. Все до деталей, совсем как наяву...

А между тем меня заметили женщины. Вынули из кровати и умыли холодной водой. Это не понравилось, и я заплакал. Потом одели и вывели в зал за ручку – ходить самостоятельно, похоже, еще не мог. Люди за столами с улыбкой смотрели на меня и что-то говорили. Из всех слов знакомым было только одно – «киндер», которое, кстати, и звучало чаще других. Я понимал, что говорят обо мне, и улыбался в ответ... Знал ли тогда другие слова? Возможно. Но немецкое слово «киндер» – первое, которое «впечаталось» в мою детскую память навечно...

Помню и другой эпизод. Я играл на полу с небольшими дровяными поленьями. То были мои первые игрушки. Потом мама сказала, что теперь у меня есть братик. Я не понимал, что это такое. Но что-то кричащее положили в мою кровать. Когда это что-то успокоилось, и все ушли, мне захотелось с ним поиграть. Я набросал ему в кровать поленьев,

а он не реагировал. Но когда полено попало ему на голову, он заорал. Вбежали мама и папа. Поленья вытащили, меня наказали. Мне тогда не было и двух лет. Мама сказала, что и этого я не могу помнить. Но я помню оба эпизода очень отчетливо – так, будто это было вчера...

Сам переезд в Харьков – в наш последний лагерь, который размещался в полуразрушенных корпусах харьковского автодорожного института, я не запомнил. Зато четко помню, как осознал, что нахожусь в другом помещении.

Вроде бы ничего не изменилось – те же два сундука и наши с братом кровати, та же «буржуйка» – вся наша мебель, которую перевезли в город. Похожими были стол со стульями и койки родителей, которые принесли откуда-то немцы. Но многое уже было не так.

Отчетливо помню, как, шаг за шагом осваивал новое жизненное пространство, совершая открытие за открытием. Прежде всего, обнаружил огромную кучу рассыпанной прямо на полу картошки. Какая красота! Столько игрушек!

– Мы привезли ее из Покатиловки вместе с «мебелью». Все лето выращивала на огороде. Ты и это помнишь, сынок? – удивилась мама через много-много лет после тех событий...

Поиграть новыми «игрушками» не дали. Картофель был сырой и грязный. Меня отмыли и, несмотря на протесты, отправили к моим поленьям.

Вскоре обнаружил большое-пребольшое окно с широким подоконником. Я взобрался на подоконник и обомлел – впервые передо мной предстала пропасть (нас тогда поселили на втором этаже институтского корпуса). Было страшно, но интересно. Меня обнаружили и ссадили с подоконника, строго-настрого запретив даже подходить к окну. Не знаю, сколько времени действовал тот запрет, но очень скоро подоконник стал моим любимым местом – моим наблюдательным пунктом...

С первых же дней в нашей «квартире» появился гер Бехтлов. Под его руководством несколько немцев быстро перегородили комнату пополам, а в одной из них сделали небольшую кладовую, куда поместили подсохший картофель и другие продукты.

Я с интересом наблюдал за «строительством», а к моим «игрушкам» добавились обрезки строганных досочек и много вкусно пахнущей стружки. В словах немцев появилось знакомое слово «киндер», а вскоре и совсем новое «пуппи». Быстро понял, что этим словом называют меня.

– Не Пуппи... Я Толик... Я не Пуппи, – тут же разъяснил немцам, как меня зовут.

– Яа, яа... Пуппи, – заулыбались они, услышав знакомое слово. Так появилось мое новое имя, которым меня звали в лагере те из немцев, кто не знал моего настоящего имени...

Какое-то время меня опекал только гер Бехтлов. С ним я впервые вышел за двери нашей квартиры. Помню, мы долго шли по длинному-длинному коридору, потом поднялись по лестнице на этаж выше. Та лестница показались мне непреодолимым препятствием, и, в конце концов, мой опекун не выдержал и взял меня на руки. Так на его руках я и попал в одно из помещений, где стояли двухъярусные солдатские койки, а на табуретах сидели люди.

Меня посадили на верхнюю койку, и я заплакал от страха. Раздался дружный смех, а в хоре голосов послышалось знакомое: киндер, киндер...

Меня пересадили на нижнюю койку, и со всех сторон ко мне вдруг потянулись руки, в которых что-нибудь было: печенье, кусочек сахара, деревянная игрушка. Я брал, внимательно осматривал и клал подарок рядом с собой.

– Данкэ... Данкэ, – повторял и повторял гер Бехтлов, пока я принимал подарки. А вскоре, рассмотрев очередную игрушку, и сам сказал:

– Данкэ, – вызвав бурю восторга у новых знакомых...

Как только ремонт в квартире был завершен, появилась бабушка Крестная. Возможно, она бывала у нас и раньше, но впервые в мое поле зрения она попала лишь после нашего

возвращения в Харьков. С той поры уже не столько мама, сколько бабушка следила, чтобы я был одет, как надо, вовремя накормлен и вовремя уложен спать.

В свободное время я, в основном, играл своими нехитрыми деревянными игрушками. Нередко отец разбирал свой пистолет и давал мне его в разобранном виде. Подражая ему, я насухо протирал все детальки ветошью. Это у меня получалось хорошо. Назначения оружия я не знал. Для меня те железки, как называла их Крестная, были обычными игрушками, которые расставлял и перемещал по полу, как хотел.

Жизнь в лагере была довольно однообразной. Просыпался рано, вместе с пленными – утром нас будили звуки своеобразного колокола, сделанного из куска рельсы. Если не хотелось спать, забирался на подоконник и смотрел в окошко, наблюдая, как немцы умывались во дворе у целого ряда рукомойников, закрепленных на длинной доске.

Позже видел, как они строились в колонны, и начиналась перекличка. Немецкие офицеры стояли отдельной колонной. Что-то, непонятное мне, долго говорил наш офицер, а немцам его речь переводил гер Бехтлов.

Потом немецкие офицеры уходили в здание, а рядовые солдаты строем шли в другой двор, где их рассаживали по машинам. В машины садились охранники с автоматами. Немцев увозили на работы. Возвращались они только вечером.

А офицеры вскоре выходили во двор. Некоторые раздевались по пояс и делали зарядку. Другие играли в городки. Часть офицеров играла в шашки, или шахматы. Затем они снова уходили на какие-то занятия, которые проводили наши офицеры. И так проходил весь день немецких офицеров.

Вечером лагерь вновь оживал. Возвращался с работ рядовой состав. После ужина для меня начиналось самое интересное. Люди отдыхали. Они играли на губных гармошках, пели песни...

И так день за днем, месяц за месяцем, год за годом...

В нашем лагере гер Бехтлов был, как и Крестная, тем человеком, которому родители спокойно доверяли заботу обо мне. В раннем детстве по лагерю я ходил, в основном, с ним. Мой немецкий наставник исподволь привил мне азы немецкой культуры. С тех дней моей лагерной жизни и до сих пор, я никогда ничего не бросаю на пол, или на землю. Только в урну, а если нельзя, прячу в кармашек, чтобы выбросить потом в разрешенном месте.

Он научил меня есть по-немецки, никогда ничего не оставляя в тарелках, вычищая их до блеска кусочками хлеба. Он приучил быть аккуратным во всем. Все пуговицы на моей одежде должны быть всегда застегнутыми. Я всегда должен быть причесан. И многое в таком же духе.

Мы с ним много общались. Двухязычным я стал, исключительно благодаря геру Бехтлову. Он досконально разъяснял любую мелочь, причем, до тех пор, пока ни убеждался, что я все понял правильно. Я так и не узнал его звания, но, думаю, он не был рядовым солдатом. Не был он и офицером.

Немцы скучали по детям, и я сразу стал всеобщим любимцем. Мне дарили сахар, печенье, губные гармошки и самодельные деревянные игрушки: свистки, свирели, фигурки лошадок и, наконец, десять маленьких головок, надеваемых на пальцы. Несколько из них сохранилось до сих пор. Головки были вырезаны очень искусно, и символизировали людей разных национальностей. Национальности легко угадывались по характерным чертам: это русский, это немец, это китаец и так до девяти.

Десятая головка была с секретом. Она выделялась необычным горбатым носом и странной улыбкой, а ее лысый лоб венчали два бугорка. Бугорки легко трансформировались в маленькие рожки, прятавшиеся в специальных отверстиях. Рожки вскоре потерялись, а отверстия я залепил пластилином. То был Мефистофель – некая таинственная личность, о которой, сколько ни спрашивал, так никто ничего и не рассказал.

Уже лет с пяти мне позволяли самостоятельно перемещаться по всей территории лагеря, включая зону. В том ограниченном мирке, казавшемся таким огромным, я чувствовал себя комфортно в любом месте. Сторожевые вышки, ряды колючей проволоки, солдаты охраны и колонны пленных немцев – все это навсегда врезалось в память...

– Вышки, сынок, были только в Показилровке. В институте их не было. Ты все перепутал, – сказала как-то мама. Я не стал спорить, потому что готов даже показать, где они стояли. Я вижу их очень отчетливо еще незамутненной детской памятью. Впрочем, как и все, что было тогда...

Немцы всегда улыбались, весело шутили, но никогда не насмехались и не обманывали меня, даже в шутку, как наши солдаты. Многих пленных я знал не только в лицо, но и по фамилии, а то и по имени. Мое немецкое имя Пуппи (Куколка) мне не нравилось, а моего настоящего имени многие немцы, похоже, не знали.

– Пуппи! Ком цу мир, – приглашал меня подойти кто-нибудь из солдат, едва я входил в любое из помещений, где находились пленные, – Битэ, – подавал он мне кусочек сахара или самодельную игрушку.

– Филен данк, – благодарил его за подарок.

А из другого конца помещения уже несло очередное призывное: «Пуппи!» Кто-нибудь из сидящих на табуретах, сажал меня к себе на колени, и мы слушали импровизированный музыкальный номер, исполняемый на одной, а то и сразу на нескольких губных гармошках. А иногда солдаты, надев вместо пилоток смешные шляпки с перышками, пели необычные песни. Слушая удивительные переливы их голосов, я громко смеялся от восторга. Лишь через несколько лет, уже вне лагеря узнал, что слушал тирольские песни.

Мне нравились мои немецкие друзья, а особенно гер Бехтлов. Он единственный понимал меня, когда в разговоре я, не задумываясь, смешивал русские и немецкие слова. Он тут же все повторял, но по-немецки, без русских слов.

– Варум? – часто спрашивал его, и он терпеливо отвечал на многочисленные вопросы маленького «почемучки». Именно гер Бехтлов несколько лет нашей дружбы открывал мне окружающий мир...

– Ауф штейн! Штильге штанген! – командовал унтер-офицер и все, включая меня, вскакивали и вытягивались в струнку, держа руки на бедрах. Входил немецкий офицер. Офицеры – такие же пленные, как и рядовой состав, но немецкий армейский порядок есть порядок. И я это понимал и принимал как должное.

Мне нравился немецкий порядок. Мне нравились немецкие офицеры – строгие и недоступные. С ними нельзя было заговорить первым, можно лишь отвечать на их вопросы. Они почти не говорили со мной, как рядовые солдаты, зато часто одобрительно похлопывали по плечу. В моей памяти они остались ухоженными и аккуратными людьми в красивой форме.

Но больше всех мне нравилась летчики Люфтваффе. У них была самая красивая форма. К тому же только они угощали необычным лакомством – шоколадом. Иногда они предлагали сначала полетать, и когда соглашался, подбрасывали к потолку и ловили у самого пола. У меня захватывал дух, было немножечко страшно, но я не плакал, а наоборот – громко смеялся от необычных ощущений. Летчики тоже смеялись и говорили, что я непременно буду русским летчиком. Что такое быть летчиком, я не знал и, как всегда, засыпал вопросами гера Бехтлова.

– Если станешь летчиком, будешь, как они, сильным, ловким, в красивой форме, – отвечал тот, – А главное, будешь летать в небе, как Ангел.

Похоже, именно тогда зародилось смутное желание летать...

Наши офицеры, как и немецкие, никогда со мной не говорили. А из охраны лагеря со мной дружил лишь дядя Вова Макаров. Он был сержантом. Это, правда, я узнал позже,

когда расспрашивал его о подробностях нашей лагерной жизни. Наши семьи дружили с тех самых времен и вплоть до смерти моего отца и самого дяди Вовы. Война застала его, шестнадцатилетнего мальчишку, на отдыхе в деревне, куда его отправили родители-ленинградцы. Он попал в партизанский отряд, и воевал до тех пор, пока наши не освободили район дислокации отряда. Самым сильным впечатлением войны был эпизод, когда он, мальчишка, пытался переплыть какую-то довольно широкую реку, а по нему просто так, ради забавы, немцы вели прицельный огонь из пулемета. Они смеялись, шутили, и стреляли, отсекая его то от одного, то от другого берега. Он тогда чуть ни утонул, но глубоко нырнул и под водой все же ушел от обстрела. А когда вернулся в Ленинград, узнал, что его родители погибли в блокаду. Других родственников у него не было, и он ушел добровольцем на фронт. Воевал до Победы, а потом остался на сверхсрочную службу. Так дядя Вова оказался в лагере.

Дядя Вова люто ненавидел немцев. Но в лагере я этого не замечал. Правда, он всегда запрещал брать что-либо у офицеров, когда те угощали, и очень сердился, когда я не слушал его и поступал по-своему. Но мне нравился шоколад, а больше никто не мог дать ничего подобного. Тогда не было никаких конфет и других сладостей. Конфеты-подушечки я впервые попробовал в пятьдесят первом году, когда мне было почти семь лет, и мы уже жили не в лагере.

Жена дяди Вовы – тетя Нина Неженец – работала в лагере переводчицей. Ее родители были известными учеными и жили в Харькове. Оба имели профессорские звания и возглавляли кафедры в Харьковском сельскохозяйственном институте. Тетя Нина в семнадцать лет ушла добровольцем на фронт и прошла всю войну. Она служила в штабах разного уровня, а поскольку великолепно знала немецкий язык, участвовала в допросах «языков» и пленных немцев. В конце концов, она оказалась в лагере немецких военнопленных, размещенном в ее родном городе. Ей нравилось, когда я говорил с ней по-немецки. Но если рядом был дядя Вова, говорить надо было только по-русски...

Мне было пять лет, когда нас переселили в двухэтажный домик на территории лагеря. Здесь был маленький дворик, в котором росла гигантская акация и несколько больших кустов сирени. Но в той квартире мы прожили меньше года.

А за несколько месяцев до того, как заболел и больше не вернулся в лагерь, у меня появилась подружка Любочка – дочь переводчицы и охранника лагеря. Они были новенькими в лагере, их поселили в соседней квартире нашего домика.

У Любочки была огромная кукла, у меня – деревянные самодельные игрушки. Она научила меня игре в дочки-матери, я же никаких игр не знал, поэтому учил ее немецким словам. С ее мамой говорил в основном по-немецки, и очень удивлялся, почему Любочка не понимает, что говорит ее мама и немцы, которые иногда заходили в наш дворик посмотреть на нас. Я ежедневно навещал своих друзей-немцев, живущих в зоне, но Любочку туда не пускали.

Мы покинули лагерь, когда мне исполнилось шесть лет, то есть когда как личность я вполне сформировался. И теперь не только внешностью и знанием языка, но и характером больше напоминал немецкого ребенка, чем русского. Все последующие годы я сам и окружающие с большим трудом ломали этот характер...

Из лагерной среды, где меня окружали лишь взрослые, я попал в обычный городской двор послевоенной поры, где господствовала шпана и почиталась сила. Даже для сверстников я был чужаком, которому еще предстояло доказать, чего стоишь. Я же держался особняком, предпочитая независимость, и довольно скоро настороженность дворовых ребят сменялась откровенной враждебностью.

Как-то в канун Первомая пятьдесят второго года я стоял у дома и смотрел, как украшали здание общежития «Гигант». Только что вывесили гигантское панно, на котором красовалась четверка вождей Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин.

– Карла Маркс, Федорыч Энгельс, Ленин, Сталин, – неожиданно остановился около меня второгодник Тимоха, сын дворника из этого общежития.

– Не Карла, а Карл и не Федорыч, а Фридрих, – поправил его.

– А ты откуда знаешь, малявка? – возмутился Тимоха, – В школу не ходишь, а учишь старших.

– Знаю... У них немецкие имена. Они немцы, – сообщил ему очевидную для меня истину.

– Кто?! Маркс и Энгельс немцы?! – схватил меня за грудки десятилетний крепыш, – Сам ты фашист! – крепко стукнул меня тупой второгодник.

Тогда удалось вырваться и убежать. Но я легко представил, что было, если бы весь наш двор узнал о моих друзьях-немцах.

С тех пор, кроме моей новой подружки Людочки, я больше никому не рассказывал о своей жизни среди немцев. Это стало моей тайной.

Лишь через два десятка лет от скуки и под настроение разоткровенничался и рассказал своему армейскому другу Жене Иксанову кое-что о жизни в лагере военнопленных и наиболее памятных событиях детства.

А начал с эпизодов, которые вызвали у меня приступы жуткого страха. Я помню их необыкновенно отчетливо, вместе с пережитыми ощущениями. Они часто всплывали в моих снах, особенно в детские годы, и я просыпался от ужаса, весь в слезах.

Первый эпизод связан с концертом, который давали немцы в честь какого-то праздника. Сцена была сооружена во внутреннем дворике нашего лагеря, и я смотрел представление прямо из окошка второго этажа здания института. Выступали два немца с куклой-марионеткой. Один немец спрашивал куклу, а она, к моему изумлению, сама ему отвечала. Кукла, разумеется, после этого представлялась мне живой девочкой. Вместе со всеми я громко смеялся и даже переводил кое-что отцу, слабо знавшему язык. Но вот номер завершен, и девочку, к моему ужасу, свернули пополам, потом еще раз пополам и положили в чемодан.

Раздались аплодисменты, а я закричал от страха. Я живо представил, как плохо этой изуродованной девочке в тесном чемодане. Знакомые немцы услышали мой плач и возмущенные крики. Из сбивчивых объяснений сквозь слезы, они все поняли, быстро пообщались с артистами, и куклу моментально извлекли из чемодана. Она ушла за кулисы самостоятельно.

Чуть позже отец отвел меня к артистам. Те показали куклу, дали ее потрогать и даже продемонстрировали, как говорят за нее. Но я тогда не очень им поверил. И страх затаился в глубинах подсознания.

Второй эпизод связан с прохождением мимо лагеря механизированной колонны. Как-то раз я услышал нарастающий грохот и скрежет. Выглянул в окошко и увидел много движущихся огромных, невиданных чудовищ, из которых сзади выходил черный дым, а снизу сыпались искры. Вскоре наш маленький домик уже сотрясался, как при легком землетрясении. Я испугался и заплакал, мама взяла на руки, и попыталась успокоить. Меня вынесли на улицу.

Я увидел, что отовсюду из тех чудовищ выглядывали люди, и что-то громко кричали, размахивая руками. От некоторых уже осталась одна голова, торчащая прямо из пасти. Совсем недавно мне прочли страшную сказку о драконе, из которого шел огонь и дым, и который ел людей. Я не представлял, как выглядит дракон из сказки, но то, что видел, было очень похожем. И этих драконов много! Мне было страшно, и я удивлялся, что мама их не боится и даже улыбается. Помногу успокоился и стал смотреть. Но все равно продолжал бояться.

А вдоль забора из колючей проволоки стояли немцы и хмуро смотрели на драконов. Я никогда не видел их такими. Они всегда были веселыми. Тогда подумал, что они тоже боятся драконов.

Подошел папа, взял меня у мамы и сказал:

– Не бойся, сынок, это наши танки.

Я не знал, что такое танки, но зато понял, что это не драконы. Папа их тоже не боялся и улыбался, как и мама. Тогда я совсем перестал бояться и крикнул немцам:

– Не бойтесь, это наши! – я не знал, как по-немецки сказать «танки», и потому просто кричал им, – Это наши! Это наши! Не бойтесь!

Но они все равно боялись. А один строго посмотрел на меня и сказал:

– Ты глупый ребенок.

Я не понимал, почему он так плохо сказал обо мне, а другого ребенка здесь не было. И от обиды закричал ему:

– Я не глупый! Я не глупый!

А папа, который тоже ничего не понял, спросил:

– Что ты им все кричишь, сынок?

Я не успел ответить, потому что мой друг, гер Бехтлов, громко сказал тому немцу:

– Он не глупый – он маленький! – махнул мне рукой и засмеялся.

Другие немцы тоже стали улыбаться и даже смеяться. И я обрадовался, что немцы перестали бояться наших танков.

Колонна шла долго, около часа. Я и сейчас, как наяву, вижу те стальные машины. Они были не такими, какие потом видел на парадах. Они были серыми от пыли, некоторые – с вмятинами от снарядов, и все с огромными железными бочками, закрепленными на броне.

Когда через много лет расспросил об этом эпизоде отца, он сказал, что то были колонны той самой техники, которая с боями дошла до Германии и находилась там до замены. Это ему рассказали охранники лагеря, которые все узнали у танкистов, перегонявших тогда те танки и самоходки прямо из Германии на новое место дислокации.

Мне стало понятно, с какими чувствами тогда смотрели на нашу технику пленные немцы. Многие из них наверняка видели что-то подобное из своих окопов. Ведь все они были вражескими солдатами. Многие помнили, как эти чудовища несли смерть и страдания их друзьям, угрожали их жизням. И вот они видели то самое оружие, с помощью которого были разгромлены их войска и оккупирована их страна. А они, после всего этого, вынуждены годами жить в плену, в чужой стране, без семьи, в полном неведении перспективы...

Когда рассказывал Жене о жизни в лагере, тот иногда спрашивал, как я воспринимал пленных немцев – как добрых дядей, которые баловали меня, или как бывших, но все-таки врагов. Мне всегда было трудно ответить на этот вопрос. Я сам часто задавал его себе, особенно в детские годы, когда мы уже переехали из лагеря. Только тогда я впервые увидел людей, обездоленных войной. По улицам катались на тележках инвалиды без ног. Часто встречались люди на костылях, и люди без одной, а то и без обеих рук. Как ни странно, но в то время я не встречал унылых людей. Все, даже инвалиды и нищие, были бодрыми и часто улыбались, а то и громко смеялись. Это было время нашей Победы, время надежд, время оптимизма.

Я повсюду видел следы той страшной войны. Город все еще лежал в руинах. А надписи на многих домах, типа «Мин нет» или «Мин не обнаружено», сохранились даже в то время, когда я пошел в первый класс.

Но дело в том, что я никогда не видел ничего другого. Когда родился, все уже было именно так, а не иначе. Я просто не знал, как это – иначе. Поэтому для меня такой вид города казался обыденным, привычным – нормальным. Он меня не удивлял и не поражал.

Но постепенно все же начал понимать, что немцы живут в лагере не по своей воле. Они за что-то наказаны. Причем, наказаны даже их офицеры, которые были вроде бы сами по себе. Правду об этом мне рассказал дядя Вова. Он сказал, что немцы разрушили наши дома, они убили много людей. За это они находятся здесь. Они ремонтируют дома и строят дороги. Когда все сделают, их отпустят домой. Что такое «убить много людей», я не понимал, потому что еще не имел никакого представления о смерти. За всю мою маленькую жизнь я не видел мертвых и не слышал, чтобы кто-нибудь умер. А вот разрушенные дома видел.

И вечером стал допытываться у немцев, зачем они сломали наши домики. Их ответ удивил. Немцы сказали, что город разрушили наши солдаты, а они его защищали. Когда поделился этим открытием с отцом, тот не удивился. Он был участником Курской битвы и освобождения Харькова. Да, наши бомбили город, где были немцы... В голове образовалась каша. Я не стал ничего говорить дяде Вове, потому что авторитет отца был выше. А потом просто забыл об этом, потому что возникли другие вопросы. Меня, например, удивляло, почему солдаты работают, а офицеры нет.

Гер Бехтлов посмеялся над моим вопросом. Он ответил, что так было и так будет всегда. Офицеры приказывают, а солдаты выполняют. А сейчас приказывают ваши офицеры, а наши без работы. Но работать они не будут, потому что им нельзя. Очередная порция каши для моей головы.

Я видел, что немецкие офицеры одеты гораздо лучше своих солдат. У них красивая форма. Они всегда чистые и аккуратные. Даже наши офицеры выглядели на их фоне гораздо скромнее. Мне иногда казалось, что немецких офицеров боялись не только немецкие солдаты, но и наши. Любые приказы немецких офицеров исполнялись беспрекословно. Причем, не только немецкими солдатами, но и нашими, когда им переводили суть приказа.

Я изводил своего немецкого друга самыми разными вопросами. Он часто смеялся над ними, но всегда очень пунктуально отвечал, стараясь, чтобы я все понял правильно. Как-то спросил его, а если офицер прикажет солдатам делать то, что им не хочется. Он ответил, что делать все равно надо, даже если не хочется. Вот сейчас солдаты пришли с работы, грязные и уставшие. Унтер-офицер приказал им почистить одежду и привести себя в порядок. И все солдаты заняты исполнением его приказа. Их можно не проверять – они все исполняют хорошо. Но он обязательно проверит. Это его работа. «Так было и так будет всегда», – этой фразой любил завершать свое любое объяснение мой главный немецкий друг.

Мне нравились немецкие офицеры, им хотелось подражать. Мне нравился немецкий порядок. Солдаты никогда не сидели на койках, а только на табуретах. Если они раздевались для умывания, их одежда всегда лежала рядом аккуратно свернутая, а не брошенная как попало, как у наших солдат. Они и в плену вели себя так, как их приучили в немецких казармах немецкие офицеры. В немецких офицерах чувствовалась порода. Они не были надменными, как их иногда изображали в некоторых наших фильмах. То были интеллигенты в форме – военные профессионалы, чьей работой была война.

Нет, в лагере у меня не было неприязни к немцам, находившимся в плену. Отношение к немцам и к войне стало меняться постепенно, когда уже жил вне лагеря. А в лагере мы жили в каком-то искусственном, защищенном мире. По крайней мере, мне так показалось.

Первое время я скучал по лагерю и моим друзьям-немцам. Иногда снился наш домик в лагере за колючей проволокой, и я просыпался счастливым.

И вот однажды мы с Людочкой совершили большой поход. Я часто рассказывал подружке про лагерь, где когда-то жил, про моих немецких друзей, которые подарили те самые игрушки, в которые мы с ней играли. Мне очень хотелось увидеть всех, кого уже не видел больше года. Я знал, как дойти до лагеря. Это было не очень далеко от нашего дома. Но не знал, пустят ли меня в лагерь. Ведь столько времени прошло. Может, и самого лагеря давно нет.

Лагерь оказался на месте. Вход в зону теперь был у нашего бывшего домика. Смело подошел к вахтеру, стоявшему на посту у входа.

– Стой! Куда идешь? – строго спросил вахтер. Я его никогда не видел. Значит, новенький.

– Я Толик. Я здесь жил. У меня здесь живет подружка Любочка. Вон, в том домике. И мои друзья немцы. А еще дядя Вова Макаров здесь работает. Я хочу их увидеть и показать моей сестричке Людочке, – сказал ему.

– Старшины Макарова сегодня не будет. Никакая Любочка здесь не живет. Здесь вообще никто не живет. Это поликлиника. И какие у тебя могут быть друзья немцы, мальчик? Они наши враги. Иди отсюда, – подвел итог вахтер. В это время я увидел знакомого немецкого солдата.

– Ганс, – позвал его, – Я Толик. Мне нужен мой друг – гер Бехтлов. Позови его, пожалуйста, – крикнул ему по-немецки. Заслышав немецкую речь, вахтер в недоумении устылся на меня.

– Ты говоришь по-немецки? – удивился он, – Все равно нельзя. С ними вообще нельзя разговаривать, особенно посторонним. Иди отсюда, – окончательно рассердился вахтер. Немец не понимал, что он говорит, но, подойдя, терпеливо ждал.

– Ганс, позови вашего офицера, пожалуйста, – попросил его, зная, что наши солдаты не ссорятся с немецкими офицерами. А вот немецких солдат они не уважают, хотя, по-моему, солдаты лучше.

– Яволь, гер Толик, – улыбнувшись мне и Людочке, сказал Ганс и, махнув на прощанье рукой, быстро скрылся в огромном здании института.

Минут через десять к нам вышел немецкий офицер. Я его помнил и по давней привычке вытянулся по стойке смирно, снова удивив вахтера. Он поворчал для порядка, но все же пропустил нас с Людочкой в зону к офицеру и закрыл за нами калитку.

– Я помню тебя, мальчик, – улыбнулся офицер, и, как обычно, похлопал по плечу, – Гер Бехтлов уже в Германии. Скоро мы все уедем отсюда. А солдаты на работе. Я скажу им, что ты приходил. Они будут рады. А это твоя сестричка? – улыбнулся он Людочке.

Я взглянул на Людочку и увидел, что она испуганно смотрит на немца. Да и как не испугаться, увидев вблизи настоящего немецкого офицера в невиданной форме, затянутого в портупею с кобурой для пистолета, да еще говорящего что-то непонятное на незнакомом языке.

– Так точно, господин офицер. Ее зовут Людочка, – отпартовал офицеру, – Не бойся. Он просто спросил о тебе. Я сказал, что тебя зовут Людочка, – пояснил «сестричке» смысл нашего разговора с офицером.

– Я не боюсь, – сказала Людочка, с опаской поглядывая на офицера.

– Подожди меня, мальчик, – сказал офицер и быстро ушел.

Вахтер больше не гнал нас. И я с удовольствием показывал Людочке мои бывшие владения.

Минут через пятнадцать офицер снова вышел к нам. Он протянул Людочке маленькую фарфоровую куколку и шоколадку:

– Это кукла моей дочери. Она всегда была со мной. Пожалуйста, девочка, – «сестричка» посмотрела на меня. Я кивнул, и она взяла подарок офицера, – Скоро я увижу мою дочь. Она уже выросла, и кукла ей не нужна, – пояснил офицер. Я перевел Людочке слова офицера.

– Спасибо, – поблагодарила Людочка. Я перевел, добавив от себя привет его дочери от нас с Людочкой.

– Пожалуйста, мальчик, – подал он шоколадку и мне. Я поблагодарил. Вдруг он открыл кобуру, вытащил оттуда пистолет и протянул его мне, – Вот и все. Конец войне, – улыбнулся он.

Я давно знал, что некоторые немецкие офицеры носили игрушечные пистолеты из дерева. Они лишь выглядели, как настоящие, а были для того, чтобы кобура не выглядела пустой, некрасивой.

Но я увидел, что Людочка испугалась. Неожиданно испугался вахтер и в панике схватился за оружие. Похоже, как новенький, он не знал, что у немца пистолет не настоящий. Я тут же ему все объяснил. Вахтер рассмеялся. Людочка успокоилась.

Я еще раз поблагодарил офицера и вахтера, и мы с Людочкой навсегда покинули лагерь немецких военнопленных.

Артек

Нас с Женькой снова рассадили. Такое уже было в этом году. Раза три, а может и больше. Но сейчас терпение нашей учительницы Ольги Дмитриевны лопнуло окончательно. Она так и сказала:

– Все, ребята. Мое терпение лопнуло окончательно, – и пересадила моего друга к Игорю Альтшуллеру.

Игорь отличник, как и я. Теперь ему поручили перевоспитывать троечника Женьку.

Только разве его перевоспитаешь? Он не дурак, мог бы и сам хорошо учиться. Вот только лень вперед него родилась, как говорит моя бабушка Крестная. К тому же он тихо говорить не умеет, да еще и неуступчивый. Нет, Игорю с ним не справиться...

Эх, этого Женьку, да к нашему Ленчику. Тот бы его быстро перевоспитал. Ленчик вор авторитетный, с ним не поспоришь. Что не так, сразу в морду.

А Женька любит спорить. Прав, не прав, все равно будет доказывать, пока с ним ни согласишься, хотя бы понарошку. А не согласишься, может и в драку полезть. Меня он, правда, теперь боится. Как-то не удержался, дал ему раза два под дых, как Ленчик учил. Больше с кулаками не лезет. Схватит сзади и держит, пока ни сдамся. И не вырвешься – он сильнее меня. Так вот и спорим, иногда даже на уроках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.